

Секция «Социология»

**Концептуализация социального развития в странах-лидерах  
развивающегося мира в начале XXI в.**

**Казакова Александра Андреевна**

*Аспирант*

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,*

*Социологический факультет, Москва, Россия*

*E-mail: kazakovaz@mail.ru*

Стратегии ускоренного, мобилизационного развития в условиях высококонкурентной глобальной среды представляют особый интерес для социологической теории. В современной литературе зачастую используется термин «emerging giants» («восходящие страны-гиганты»), объединяющий группу стран с обширными природными и демографическими ресурсами и стремительным экономическим ростом, дающими им возможность преодолеть периферийное положение и создать основы многополярности; главным образом, речь идет о Бразилии, Индии и Китае. Социологический анализ национального развития этих стран в последние два десятилетия представляется весьма полезным для понимания социальных процессов в современной России в силу целого ряда общих проблем. Однако в русскоязычной литературе значительно лучше изучена современная западная «социология развития» (от теорий модернизации времен распада колониальной системы до новейших теорий глобализации) и ее взгляд на проблематику развивающихся стран («догоняющее развитие», «вторичную модернизацию»).

Социологическое теоретизирование в области социального развития так или иначе сталкивается с двумя ключевыми проблемами. Во-первых, проблематично само представление об образце социального развития, состоянии «развитости». Возможные ответы на этот вопрос лежат в диапазоне от универсальности модели развитого западного общества до множественности уникальных национальных форм развитости. Во-вторых, возникает вопрос о способе развития, т.е. о мере его объективности и спонтанности и возможностях целенаправленной человеческой деятельности, политического творчества и проектирования.

Каким образом обозначенные проблемы решаются в современном социологическом дискурсе Бразилии, Индии и Китая? Анализ литературы указанных стран, посвященной социальному развитию, позволяет сделать следующие выводы:

1. В 90-е гг. политика развития ВСГ определялась в основном реформами по «либерализации и открытости». Первостепенными факторами социального развития были признаны рыночная конкуренция и обмен технологиями, которые, как предполагалось, обладают объективной внутренней логикой развития, не нуждающейся в целенаправленном регулировании. Логика рынка и технологии требовала активного включения в глобальное информационное и экономическое взаимодействие, т.е., в значительной мере, универсализации. Идеи спонтанности и универсализма, проецируемые на все социальное развитие, были научно концептуализированы и политически артикулированы [1; 2; 3; 6; 7].

2. Применение указанной стратегии во многом позволило ВСГ добиться рационализации экономики и ускорения экономического и технологического роста. Но значительно более скромные успехи были достигнуты в области «человеческого развития»,

о чем свидетельствуют данные ООН, касающиеся Индекса развития человеческого потенциала (агрегирующего уровень доходов, образования и здравоохранения). Кроме того, социальное неравенство, связанное с нерегулируемым экономическим ростом, стало источником различных форм дезинтеграции. Межрегиональная, межэтническая и межклассовая напряженность, рост преступности и самоубийств, политический радикализм, множественная депривация ставят под угрозу социальное развитие в целом и дальнейший экономический рост в частности [8; 9; 10]. Это стало основанием перехода от монофакторной, экономикацентричной парадигмы к комплексному подходу к социальному развитию.

3. В результате в общественном дискурсе о развитии стали все чаще появляться темы целенаправленного регулирования роста, политического выбора и проектирования. Возросла популярность концепций «инклюзивного роста», «совместного обогащения», «развития со справедливостью». Также было осознано, что долгосрочные проекты социального развития могут быть созданы лишь на базе широкого социального консенсуса, конструирования новых типов солидарности на основе специфики данных обществ. Поиск модели развития, укорененной в социокультурной среде, открыто декларируется во многих официальных документах исследуемых стран [3; 4; 5; 11].

Таким образом, в дискурсе о социальном развитии в Бразилии, Индии, Китае последних 20 лет прослеживается тенденция отхода от идей спонтанности и универсальности социального развития к идеям проективности и своеобразия, обусловленная объективными конкретно-историческими проблемами, связанными с экономическим ростом и социальной стратификацией.

### Литература

1. Бхагавати Д. В защиту глобализации. М., 2005.
2. Бергер П. Л., Хантингтон С. П. Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире. М., 2004.
3. Ганшин В. Г. Китай: искушение либерализмом. М., 2009.
4. Жирнов О. А., Шереметьев И. К. «Левый поворот» в Латинской Америке: Аналитический обзор. М., 2008.
5. Ли Теин Теория и практика экономических реформ в КНР. М., 2002.
6. Линь Ифу, Цай Фан, Аи Чжоу Китайское чудо: стратегия развития и экономическая реформа. М., 2001.
7. Никелани Н. Образ новой Индии: Эволюция преобразующих идей. М., 2010.
8. Ranis G., Stewart F. Economic growth and human development in Latin America // CEPAL Review, 2002, №78, pp. 7-23.
9. Сайт Программы развития ООН (ПРООН) <http://hdr.undp.org/>
10. Cardoso F. E. The State, the community and society in social development. [www.rrojasdatabank](http://www.rrojasdatabank)

11. India. Vision 2020. The Report. Report of the Committee on India Vision 2020, Planning Commission, Government of India. <http://planning.bih.nic.in/Documents/Planning-Vision-2020.pdf>